

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Максим Медведков

В 2000-2004 Замминистр экономического развития и торговли Российской Федерации
С 2004-2019 находился в должности директора департамента торговых переговоров
Минэкономразвития России

Интервьюер:

Иван Грек
The Bridge Research Network

Дата интервью:

3 сентября 2021 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитата

Максим Медведков, интервью Ивана Грека, 3 сентября 2021 г. Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается транскрипция]

ГРЕК: Расскажите, чем вы занимались в администрации. Какова была ваша позиция на 2001 год?

МЕДВЕДКОВ: Я работал в правительстве, в министерстве экономического развития.

Я был заместителем министра. Министром в то время был Герман Греф.

Сферой моей ответственности была торговая политика России, внешнеэкономические связи, регулирование, реформы законодательства, которые связаны с внешнеэкономической политикой. Ну и, конечно же, собственно, зачем меня наняли: мой приоритет был присоединение России к ВТО. И это то, чем я занимался, наверное, большую часть времени, в течении многих лет и особенно в начале 2000-х годов.

ГРЕК: Как вы видели переход международной экономики, в частности, в отношениях между Россией и США, из эпохи Ельцина в эпоху Путина? И какие подходы были в принципе в торговле и сотрудничестве с США тогда?

МЕДВЕДКОВ: Я думаю, что в то время наша торговая политика не имела совершенно явных географических приоритетов. То, что оставалось и продолжалось по инерции [00:02:00] после распада СССР было приоритетом в том смысле, что существовала система соглашений о свободной торговле с бывшими республиками СССР, исключением была Прибалтика, которая уже присоединилась, или хотела присоединиться к Европейскому сообществу. Эти соглашения должны были поддерживать какой-то уровень

производственных коопераций, которые остались после распада экономики страны. В остальном же торговая политика не была основана на именно географических приоритетах, а скорее решала задачи, связанные с внутренним экономическим развитием страны.

И одна из самых главных проблем в то время заключалась в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить экономическую безопасность развития экономики: я имею в виду доступ к необходимым товарам и услугам, поскольку экономика очевидно была дефицитной по многим позициям. И, с другой стороны, попробовать создать некую долгосрочную основу для будущего развития, где нашим естественным партнером среди стран Запада, скорее, в то время было Европейское сообщество. В общем того, что к 2000-му году у нас была создана достаточно серьезная договорно-правовая база, у нас было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве, и на долю ЕС проходило более 50% тогдашнего торгового оборота страны, поэтому ЕС был приоритетом.

Что касается США, то [00:04:00] с США был диалог, он развивался. Я помню, что, если мы посмотрим статистику развивалась и торговля, развивались инвестиции. Но в то время, в начале 2000-х, никаких планов долгосрочных у нас скорее не было именно потому, или в том числе потому, что США не были в числе приоритетных торговых партнеров. Ну и вообще тогда географические приоритеты имели небольшое значение.

ГРЕК: Из такого вопроса небольшое уточнение в данном случае. Торговля вооружением: она входила в большие планы или это отдельно от вашего ведомства? Как это технически проходило?

МЕДВЕДКОВ: Нет, торговля вооружением всегда — это абсолютно отдельная статья, это отдельное ведомство, отдельная кампания, и мы никакого отношения к этому не имели вообще.

ГРЕК: Было много факторов, которые влияли сильно на политику и отношения.

Пройдёмся по ним и спросим: влияли ли они на торговлю каким-то образом?

И, в частности, одним из первых важных таких событий было 11 сентября —

один из ключевых моментов. Конечно же, сначала была Словения, где все

друг другу посмотрели в глаза. Но таким ключевым моментом, когда

начались решения, начало что-то поворачиваться, начали очерчиваться

какие-то новые стороны. [00:06:00] Вы помните 11 сентября, лично для себя:

где вы были, что это было для вас как для человека? Какая реакция была

среди ваших коллег на теракт? И повлияло ли это на ваши разработки планов

в политике, как, например, у многих ваших коллег из других департаментов?

МЕДВЕДКОВ: Конечно, я это помню. Я помню, это произошло следующим образом:

я вышел из кабинета в такой вот холл, который около кабинета был, увидел

телевизор — прямую трансляцию CNN вот как раз на башню близнецов, и

совершенно окаменевшие лица моих помощников. Я спросил: «Что

происходит?», — они говорят: «Мы не можем понять, это какое-то кино или

это по-настоящему». И вот в этот момент одна башня уже была разрушена, потом в прямом эфире показывают разрушение второй башни. Это, конечно, последующие все события вызвали шок.

И этот шок был основан на, наверное, двух вещах: вот первое то, что мы столкнулись с глобальной проблемой и второе, что эта проблема не имеет решения в рамках национальных границ. И вот до тех пор помним, как Россия сталкивалась постоянно с волнами террористических атак в рамках регионов в течение достаточно длительного времени, но Запад этим не был затронут. И когда это произошло, к большому несчастью, было [00:08:00] ощущение, что мы находимся наконец в одной лодке несмотря на то, что эта лодка плывет по волнам очень большой трагедии. Она может помочь нам сконцентрировать силы, объединить эти силы для того, чтобы, начиная с совместной борьбы с терроризмом, и потом решать и другие проблемы, которые носят глобальный характер. Вот такие были ощущения в первые месяцы после этой трагедии.

ГРЕК: В дальнейшем от 11 сентября история зачастую уходит сначала в Афганистан, потом в Ирак последовательно; Россия вместе с Германией и Францией поддерживали сначала вход в Афганистан, где был какой-то консенсус и противостояли американскому вторжению в Ирак. И американское вторжение в Ирак дало новое политическое значение нефти, дополнительное. Можете ли вы описать какие были экономические

последствия иракской войны для России? Повлияла ли она в принципе? И в особенности затронуть более широко тему нефти к 2005-му году, когда она уже стала ощутимым ресурсом?

МЕДВЕДКОВ: Да, именно тема нефти была в центре внимания у наших аналитиков, экономистов, которые смотрели на развитие событий. Я помню, что большинство склонялось к мнению, что в том случае, если эти военные действия не будут носить длительного характера, то для нас это пройдет более-менее незамеченным [00:10:00] с экономической точки зрения. Оно так и вышло. То есть мы не зарегистрировали каких-то серьезных изменений, долгосрочных изменений, даже среднесрочных изменений в конъюнктуре рынков. Краткосрочные изменения, очевидно, были.

Влияние здесь, скорее всего, все-таки было в несколько другой, в психологической плоскости, потому что вся международная торговля испокон веков строится на самом деле не просто на правилах, а на доверии, и это доверие у людей, которые занимаются торговлей — оно существенно больше значит, чем доверие среди политиков. Ну это мое впечатление. Тому мы видим много примеров, вот, из последних десятилетий, когда политические курсы сильно расходились, вплоть до жестких всяких заявлений и действий, а торговля развивалась и в результате становилась каким-то связующим звеном и для политиков тоже. И торговля, торговые

вопросы решались в основном на основе доверия между странами, между конкретными людьми.

Вот тогда у многих был вопрос, у людей, которые далеки от политики: «А что собственно произошло? Действительно ли те причины, которые были озвучены в качестве оснований для вторжения в Ирак, это было действительно так или нет? Это не лукавство?». Мягко говоря, думали другими словами, но я скажу: «Не лукавство ли?». И потом подтвердилось, что да, это лукавство, а это означает, что даже на очень высоком серьезном уровне куда торгаши, в общем-то, редко доходят, такие вопросы возможны. Вопросы войны и мира [00:12:00] могут решаться односторонне, ну просто на основе предположения, не фактов, и для нас это был определенный урок. Это значит, что в торговле может быть тоже самое, поэтому нужно, как говорится, удвоить, утроить внимание и подходить к разным аспектам торгового взаимодействия более внимательно и более осторожно. Вот этот вот урок я помню, мы это внутри обсуждали с коллегами. Он остался у нас по итогу этих событий.

ГРЕК: Это был первый такой звонок для вас или какая-то цепь была?

МЕДВЕДКОВ: Нет, это был... большой звонок — первый. Мелкие звонки они постоянно звучат. На них не всегда обращают внимание, поскольку, скорее, эти мелкие звонки были связаны с личностями конкретных людей, а не с

политикой государства. В Ираке, это совершенно очевидно, был вопрос не личности, а политики более высокого уровня, поэтому вот.

ГРЕК: Как происходили переговоры о вступлении России в ВТО? Что задерживало вступление, по-вашему мнению? Было ли у вас ощущение, что администрация Буша пыталась помочь вступлению России в ВТО и всячески содействовать, как, собственно говоря, предполагают американские коллеги в наших предыдущих интервью?

МЕДВЕДКОВ: Ну у меня немножко своеобразное, может, мнение, но вот эти вот годы [00:14:00] запомнились следующим. Во-первых, американские коллеги, с которыми вы вели переговоры — и не только они, но и разные люди в администрациях — они постоянно публично говорили о том, как они рады поддерживать скорейшее присоединение к ВТО. Но когда мы приходили к ним на переговоры и спрашивали: «Где же оно?», - нам говорили: «Ну для этого надо много сделать». И вот это вот «много сделать» превращалось в десятки страниц, я не утрирую, десятки страниц перечисления законов, которые мы должны поменять, в сотни вопросов о том, как мы реализуем ту или иную политику внутреннюю и внешнеэкономическую, как действует таможня, что делает таможенник, который стоит на посту в там каком-то городе: конкретно сколько он там часов проводит, досматривает или не досматривает товары и т.д.

И этот вал все время разрастался. И сначала для нас это был такой очень большой вопрос: А поддержка она в чем? «Мы рады видеть Россию в ВТО». Но если нам задают такие вопросы: «То действительно ли рады? Или что, например?» Но со временем это ощущение менялось и менялось совершенно в другую сторону. Мы начали понимать, что любое присоединение к такому уровню соглашения требует доказательств того, что ты серьезен в своих намерениях, что ты присоединишься и [00:16:00] сможешь выполнять свои обязательства, что ты будешь иметь необходимые законы для этого.

И на самом деле, вот сейчас, мы понимаем, что требования и США и ЕС, касающиеся законодательной реформы, они были во многом оправданы. И сейчас мы делаем в отношении тех стран, которые присоединяются к ВТО, абсолютно то же самое, прекрасно понимая, что одно дело поставить подпись под протоколом о присоединении, а другое дело выполнять свои обязательства.

Но для того, чтобы эта эволюция произошла... во-первых, потребовалось много времени, а во-вторых, совершенно очевидно, что в позиции наших американских коллег было много вещей, которые были, ну как говорят, они же сами говорят: «Politically driven». Там не было рациональных требований, рациональных обоснований. Например, вопрос который касался доступа к ресурсам: понимаете, ресурсы в и исторически и в

рамках действующей Конституции — это ресурсы, которые принадлежат народу, контролируются государством. Обеспечить доступ мы можем, но мы не можем давать международные права и гарантии, ни одна страна в здравом уме и светлой памяти не делает этого. Тем не менее, это требование существовало в течение длительного периода времени, но потом было отозвано.

У нас были попытки коллег сделать, предложить России взять обязательства такие же, как взял Китай в отношении страны с нерыночной экономикой. Мы сказали: «Нет, нам не нужно ВТО, где у нас [00:18:00] будет особый статус», — для нас это было абсолютно невозможно ни экономически, ни политически. В результате американские коллеги согласились с этим и у нас не было таких обязательств, как у Китая было.

Но я забегаю вперед, это не история, это сегодня. Сегодня Соединенные Штаты вновь проводят расследование о том, не предоставить ли, не вернуть ли Россию обратно в статус страны с нерыночной экономикой вместе с пятью другими странами, которые этот статус рыночной так и не получили. Я не буду это комментировать, не для сегодняшнего разговора, но так развивается история. Хотя сравните Россию сегодня и в 2002 году, когда мы этот статус получили, ну мы видим все минусы, но радикальных изменений к худшему уж точно не произошло. Скорее, произошли, все-таки, горизонтальные и радикальные изменения, не везде радикальные, но все

равно к лучшему, с точки зрения именно рынка, с точки зрения конкурентной среды и прочих вещей.

И несколько слов буквально о другой стороне, скажем, не переговоров. Не переговорная сторона абсолютно чётко следовала за графиком политических событий. То есть как только что-то происходило на политическом уровне, наши переговоры — знаете, как у машины глохнет мотор, когда у нее кончается бензин, то по инерции она проезжает еще какое-то время и останавливается. У нас так [00:20:00] было несколько раз, начиная от таких важных эпох — важной остановки, длительной остановки, связанной с известным конфликтом с Грузией, когда переговоры приостановились практически на год. Потом у нас был длительный перерыв в связи с тем, что в 2006 году наши руководители России, Казахстана и Белоруссии объявили о создании Таможенного союза и переговоры приостановились надолго.

Мы присоединились к ВТО абсолютно чудом, потому что вот в то время, в те месяцы, у нас было достаточно безоблачное небо, насколько оно может быть безоблачным в международной политике. В эти месяцы все было относительно спокойно, но как только мы присоединись, снова что-то началось. Так что, если бы мы не успели по каким-то причинам, даже техническим, я думаю, мы до сих пор бы вели эти переговоры. Либо вели, либо отказались от этой идеи, скорее всего.

ГРЕК: То есть получается, вы попали в окно.

МЕДВЕДКОВ: Мы попали в окно, так сложились карты. Да, в общем, хорошо, что так получилось, как говорится.

ГРЕК: Да, вы обратили внимание на одни из ключевых событий в политике, которые связаны с цветными революциями в постсоветском пространстве.

[00:22:00] Во многом, по крайней мере во многих других сферах, почти во всех, они имели колоссальное значение для изменения политики, поведения и так далее. Отразились ли они на вашей деятельности? Вы уже обратили внимание на процесс переговорный, вы можете еще немного рассказать о том, как в вашей сфере были восприняты цветные революции: в Украине или в Кыргызстане?

МЕДВЕДКОВ: Ну у нас там, где очевидное влияние было — это Грузия, Украина.

Грузия — поскольку после того, как острая фаза конфликта была завершена, и были сделаны все последующие действия, связанные с разрывом экономических отношений — Грузия заявила о том, что она намерена блокировать переговоры о присоединении России к ВТО. Это блокада шла до последнего момента, и здесь надо, ради справедливости, конечно, отметить, что она была преобразована в некую договоренность между Россией и Грузией урегулирования некоторых взаимных проблем в сфере таможенного регулирования и во многом благодаря жесткому давлению со стороны Европейского Союза и Соединённых Штатов. То есть, если бы этого давления

не было, то Грузия имела право вето, а наше присоединение к ВТО. Все происходит консенсусом и вряд ли грузинские переговорщики отступили бы от той политической директивы, которая у них совершенно очевидно была.

[00:24:00] Но произошло то, что произошло: была найдена приемлемая для всех форма торговой развязки, и поэтому Грузия не выступала против присоединения. Процесс присоединения к ВТО был завершен.

Что касается Украины: украинские события произошли уже после присоединения России к ВТО, но, конечно, они повлияли на взаимную торговлю, потому что что, собственно говоря, было катализатором этого влияния? Катализатором этого влияния было намерение Украины вступить в... подписать с ЕС, начать выполнение с ЕС соглашения о свободной торговле, практически соглашение об ассоциации в старом понятии этого слова. И главный вопрос, который у нас возникал: а каким образом Украина будет выполнять обязательства по соглашению о свободной торговле с Россией в СНГ и по соглашению с ЕС? Они во многом, эти обязательства, исключают друг друга.

И у нас было много консультаций до событий известных. После этих событий, уже под эгидой Европейского союза, мы не нашли общий язык. Мы не смогли найти общую платформу для решения этих разногласий, потому что вы не можете в торговом праве иногда поженить вещи, которые просто разновекторные. Так не бывает, если вы предоставляете определённый

торговый режим одному и берете на себя обязательство, что вы не будете его представлять другому и такое же обязательство берете перед другим. Вы должны выбрать. [00:26:00] А украинские коллеги сначала нам говорили, что: «А вы не бойтесь, когда все произойдет, мы выберем вас». Мы знали, что они то же самое говорят нашим коллегам из Брюсселя, что: «Вы не беспокойтесь, мы с вами а, там, Россия и остальные где-то в другом...». А когда был момент правды, то у нас тогда были приняты решения, которые... ну вы знаете, там санкции обменные и ограничения применения соглашений. Они, конечно, на торговлю повлияли.

Но это тоже не было радикальное влияние, поскольку товарооборот даже сейчас с Украиной остается на достаточно высоком уровне, а с Грузией он даже растет и рос в определенные годы. Влияние, скажем так, политики на экономику: оно, конечно, было, но именно в торговой сфере оно не было драматичным. Вот в другой сфере — определенных услуг, например, транспортных, в сфере инвестиций, защиты прав инвесторов, конечно, особенно в Украине — эти последствия чувствуются до сих пор и будут чувствоваться еще длительное время.

ГРЕК: Сельское хозяйство было одним из самых, наверное, важных торговых отношений между Россией и США в тот период, а конкретно свинина и курица. Могли бы вы немного рассказать про [00:28:00] знаменитые «ножки Буша» и чего там с ними такое приключилось? И в принципе сделать такой

небольшой обзор на именно сотрудничество и торговлю в сфере сельского хозяйства?

МЕДВЕДКОВ: Ну я тогда начну с «ножек Буша», потому что с этого, собственно говоря, вся история и началась. «Ножки Буша» первоначально пришли в Россию: что такое «ножки Буша»? Это четвертины курицы в глубокой заморозке, которые приходили в Россию в виде гуманитарной помощи сначала. Я застал тот период времени, когда в месяц мне было положено, как на отца двух детей, два килограмма этих «ножек» и килограмм сахара. Они были очень популярны, поскольку больше есть в городе Москве особо было нечего. Такие были времена. А когда уже программы были остановлены или они были сокращены, рыночная доля американской птицы именно в форме ножек... почему это произошло? Потому что технология была выбрана стратегически таким образом, что в птице самое драгоценное мясо для людей, которые считают, что они ведут здоровый образ жизни — это грудка, а ножки никто не ест, поэтому ножки стоят дешево для тех, кто предпочитает диетическое питание. А для нас, кто предпочитает побольше мяса вкусного, жирного, нас как раз эти ножки очень сильно устраивают. [00:30:00]

Но они очень дешевы. И когда в конце 90-х годов встал вопрос о том, что нам бы надо свое птицеводство как-то развивать, потому что ну по-другому как можно прокормить страну со 140 миллионами потребителей? Оказалось, что доля отечественного производства птицы к этому времени в

потреблении была не более 40%, а все остальное был импорт. Да, это было невозможно. И когда мы говорили с птицеводами и с теми инвесторами, которые были готовы вложить средства в развитие этой отрасли, конечно, они показывали на цифры, на очень простую картину: «Мы готовы инвестировать деньги, у нас есть возможности построить новые производства, но вы посмотрите на цены, мы не сможем никогда с такими ценами на ножки на этот рынок выйти, у нас просто не будут ничего покупать. А нам нужно 3 года, чтобы это производство начало работать и еще как минимум года 3-4, для того, чтобы получить эти деньги обратно».

Инвестиционный цикл ну тогда был в районе 6-7 лет, поэтому начались торговые войны: мы начали вводить ограничения в рамках наших законов тогдашних на ввоз птицы. Не только из США, но США были главными поставщиками птицы, поэтому они пострадали в этом плане больше.

А в конце концов вся эта история переросла в переговоры по ВТО, где американцы сказали: «Окай, если вы хотите попасть в ВТО, то вы нам должны дать условия, которые будут приемлемы для наших фермеров». Хотя птицу в США производят никакие не фермеры, птицу в США [00:32:00] производят огромные комбинаты промышленные — ну их фермерами очень трудно назвать, это не домашняя курица. И это, действительно, были одни из самых трудных переговоров по доступу на рынок. Почему мы договорились? Потому что, я думаю, американские коллеги очень хорошо понимают

перспективы и они прекрасно знали, что никакое давление не заставит никакую страну ради присоединения к ВТО отказаться от существенных планов своего развития. То есть выбор был ровно такой: либо мы соглашаемся на предложение США и это означает, что мы существенную долю рынка оставляем за США, либо мы находим другую формулу.

Вот эту формулу мы нашли с помощью других стран, с помощью Бразилии, в частности. Мы использовали противоречия между США и Бразилией в области сельского хозяйства, поскольку США субсидирует свое сельское хозяйство существенно, а Бразилия борется с этими субсидиями и тоже бы хотела сажать курицу на наш рынок.

В общем переговоры нам позволили согласовать такие условия, которые в результате привели к тому, что российское птицеводство сейчас покрывает 100% от потребления. И в этом плане ВТО нам скорее помогло. И почему помогло? Потому что мы поняли, что в сельском хозяйстве есть два пути: один путь, которым идут США и ЕС — тяжелые субсидии, [00:34:00] «heaviest subsidization», как говорится, национального производителя. А есть второй — развитие, точечная поддержка лучших.

Россия начала развивать сельское хозяйство в начале 2000-х. Эффект, который мы сейчас видим, благодаря ВТО и опыту тех стран, которые мы изучали, нам помог эту проблему решить. Но я знаю, что американские поставщики не остались в накладе. Они нашли быстро другие рынки, и они,

наверное, были даже более привлекательные, чем российские, поэтому этим объясняется, наверное, то, что американские переговорщики бились за эту курицу не до конца.

Со свининой была примерно такая же история, но нюанс заключался в том, что к свинине Россия применяла определенные меры, санитарные меры, которые абсолютно не устраивали американских коллег. И переговоры о том, до какой степени замораживать тушку свиньи для того, чтобы избавиться от трихинеллы, дошли до самого-самого высокого уровня. Это были фантастические переговоры, когда крупные политические руководители, российские и американские, обсуждали тему борьбы с трихинеллезом свиней. А в результате, как говорится, компромисс был найден, и эти переговоры также закончились условиями, которые позволяли США продолжать в определенных объемах контролировать экспорт ну и развивать российскую промышленность, и где-то тоже очень близко [00:36:00] в покрытии своих потребностей в свинине.

ГРЕК: Несмотря на все изменения, какие-то перепады и прочее-прочее, статистика показывает то, что торговый оборот со Штатами стабильно рос: вот он рос до 2008 года, потом все обвалилось, понятное дело, потом опять стабильно рос прямо до 2014 года — давайте представим этот график в своей голове. И могли бы вы прокомментировать первое? Параллельно с этим многие институты рушились, особенно политические—то есть, грубо говоря,

политика вся идет вниз, а экономика все равно идет вверх—ну опять же, исключая 2008 год. Могли бы вы прокомментировать это: вы действительно просто существовали в отдельном пространстве каком-то своем торговом и вас не касались все эти обрушающие моменты в отношениях, которые происходили постепенно до Мюнхенской речи и так далее, и так далее? То есть, как это было возможным, так скажем, в рамках вашей работы? И момент 2008-го года, когда мы приходим к вот этому обвалу, что изменилось после кризиса в отношениях со Штатами?

МЕДВЕДКОВ: Ну отвечая на первую часть вашего вопроса, это было ровно так, как вы предполагаете: политические события не оказывали влияния ни на торговлю, ни на инвестиции. Почему? Поскольку эти политические заявления не конвертировались в конкретные меры или в конкретные ограничения. Те компании, которые хотели [00:38:00] работать на рынке, смотрели на лучшие рынки, на лучшие предложения и продолжали и развивали свой бизнес до тех пор, пока у российских компаний не начали заканчиваться после кризиса 2008 года деньги — ну они заканчивались не у компаний, а в экономике. Это, конечно, временно отразилось на сотрудничестве, но потом все опять, как вы справедливо отметили, вернулось обратно, и где была граница — или где она есть сейчас, скажем, беспрепятственного развития торговли и проблем? Она, наверное, была

проведена в связи с санкциями, которые создали просто-напросто обстановку неуверенности.

А никто не был... в обе стороны, компании, которые не затронуты санкциями, которые вообще торгуют товарами, которые никакого отношения к ним не имеют, тем не менее, они начали предпочитать те рынки, которые более стабильны с точки зрения торговли: возврата средств, деятельности банков и прочими вещами. То есть от центра они переместились географически. Но там, где таких ощущений нет, она продолжается и сейчас. И по-прежнему мы знаем, что многие американские рынки важны для наших экспортеров, а российские — важны для американских, но таких стало просто, наверное, поменьше.

ГРЕК: Многие коллеги, кто работал тогда с администрацией, подчеркивают, что в отношениях России-Америки времен Буша-Путина был базис, [00:40:00] по которому нельзя было договориться: политический, идеологический и так далее. И были практические моменты, где президенты достаточно эффективно себя показывали, помогали и так далее — в частности, это могла быть экономика. К сожалению, конкретики никто не привел. Из вашего опыта, вы можете привести какие-то примеры, где кооперация двух первых лиц или администраций, кооперация на высшем уровне, так скажем, помогала, решала вопросы, показывала договороспособность?

МЕДВЕДКОВ: Да. Я думаю, что да. Я приведу несколько примеров. Во-первых, руководители в определенный период времени дали команду администрациям посмотреть, что мы можем сделать для развития нашей взаимной торговли в перспективе. Понимая, что у нас в ВТО все вопросы не решаются, что нам нужно делать: создавать, пытаться создать более стабильную правовую среду, и мы начали консультации с Соединенными Штатами по вопросу возможного заключения соглашения о защите поощрения [неслышный]. США одна из очень немногих больших стран, у которой... у России нет соглашения с США, точнее у США нет соглашения с Россией, и инвесторы говорили — американские инвесторы говорили, что такое соглашение могло бы им помочь. Но эти переговоры не были завершены, они даже, скажем так, мы провели консультацию: до переговоров дело не дошло, потому что [00:42:00] и в ходе консультаций мы не успели найти точки соприкосновений, на основе которых соглашение могло бы быть выстроено.

Тогда, когда мы попросили включиться уже в более высокий политический уровень, уже было поздно: политический уровень уже был не готов обсуждать такого рода вещи. У нас были разные другие идеи в договорно-правовой сфере, но ни одна из них не была в результате реализована в силу того, что наши политические отношения пошли в другом направлении.

С точки зрения конкретных вещей, я прекрасно помню, что в начале 2000-х первые лица достаточно активно содействовали контактам между бизнесом: целые команды из РСПП приезжали в Штаты и наоборот. И такого рода мероприятия, они, конечно, давали ощутимые результаты с точки зрения конкретных проектов, в сфере торговли, в сфере инвестиций.

Но, вот, наверное, такие примеры.

ГРЕК: У России росла экономика: был виден результат ваших трудов, и вместе с этим менялась внешняя политика. Можете вы немного рассказать о том, как экономические успехи, восстановление экономики, увеличение торговли, влияли? Или была ли спарка, например, с [00:44:00] МИДом, условно говоря. Вот, то есть, если смотреть на внешнюю политику как большой процесс, какую роль в нем играла экономика и развитие внешней торговли?

МЕДВЕДКОВ: В этой ситуации... даже не ситуации, а развитии нашей внешней торговли и экономики. Я не уверен, что между этим развитием и внешней политикой была прямая связь. Опосредовано она всегда есть, но она не прямая, потому что, опять-же, для компаний, российских компаний, которые получали с каждым месяцем — ну может быть не месяцем, но годом точно — все больший вкус к глобальным операциям. И успешные российские компании, вы это прекрасно знаете, это компании, которые работают на глобальных рынках, а не в конкретных странах, и которые инвестируют в это развитие. Эти успешные компании развивали свою коммерцию особо не

оглядываясь на то, что делается на политическом фронте, тем более что на политическом фронте все было более-менее спокойно до определенного времени. Поэтому я не думаю, что, то есть, я не видел сигналов, сильных по крайней мере — ощутимых сигналов — которые говорили бы [00:46:00] об обратном.

И МИД — как вы прекрасно знаете, российский МИД — он не давал рекомендаций по поводу того, с кем работать, а с кем не работать, как он делает в отношении граждан: «Не надо ездить в эту страну, потому что там есть какие-то проблемы с вашей, возможно, безопасностью, с распространением COVID», может быть, с чем-то еще. В экономике таких советов я никогда не слышал, не знал и поэтому, я думаю, их просто не было.

ГРЕК: Спасибо большое.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]